

Е.В. Борисевич

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ВЫДЕЛЕНИЯ ЕДИНИЦЫ ПЕРЕВОДА

В существующих трудах по теории перевода, как правило, достаточно подробно рассматриваются такие понятия, как эквивалентность перевода и способы ее достижения, и в то же время представлены достаточно противоречивые и не всегда четкие определения того, что же следует считать единицей перевода (ср. Грабовский 2004, 247). Естественным следствием этого является, во-первых, априорная концентрация теории перевода на вопросах передачи исключительно или по преимуществу лексической семантики лексем и фразеологизмов средствами переводящего языка, а во-вторых, наличие различных и нередко в значительной степени противоречащих друг другу классификаций – даже выделяемых с этих позиций – средств и способов достижения переводческой эквивалентности. Вопросы грамматики и синтаксиса в общей теории перевода затрагиваются ровно настолько, насколько являются необходимыми для иллюстрации отдельных положений, в частности, о том, что достижение эквивалентности на одном лишь лексическом уровне не всегда представляется возможным, и в ряде случаев должно затрагивать и уровень грамматический. Маргинальный характер носит и рассмотрение вопросов перевода единиц, превышающих по своим размерам словосочетание, а также передачи средствами переводящего языка единиц, которые по своим семантическим свойствам в принципе непереводимы (ономастика, экзотизмы).

При анализе способа постановки вопроса о выделении единицы перевода авторами различных концепций обращает на себя внимание тот факт, что теоретиков перевода, как правило, интересует не столько характер единицы перевода, сколько ее локализация и протяженность. Данный подход изначально содержит в себе определенную долю теоретической некорректности, поскольку предполагает поиск базовой категории в такой сфере, которая сама по себе для теории перевода является переменной, вариабельной, а именно в переводимом тексте, в материале, который, как известно, изменчив, разнообразен по своему содержанию и характеру.

Думается, вопрос о сущности единицы перевода и ее последующем выделении должен был по праву стать центральным вопросом теории перевода, и поэтому по меньшей мере странным представляется невыделенность и неразработанность в теории перевода одного из основных, центральных понятий данной теории – понятия единицы перевода. Данный факт отмечается в работе Н. К. Грабовского «Теория перевода» (Грабовский 2004, 247). «Поиск операционных единиц является одной из основных процедур всякой науки, а часто и самой спорной. Так же обстоит дело и в переводе.» - цитирует Н. К. Грабовский до сегодняшнего дня полностью не переведенную на русский язык работу канадских исследователей Ж. П. Вине

и Ж. Дарбельне «Сравнительная стилистика английского и французского языка» (Париж 1958) в своем рабочем переводе. Далее автор заключает: «Теория перевода, если она действительно претендует на статус самостоятельной научной дисциплины, не может уйти от решения вопроса о единице, которой она могла бы оперировать, устанавливая закономерности переводческой деятельности». (Грабовский 2004, 248).

Действительно, теория перевода оказалась, по сути, теорией процесса перевода. По крайней мере, большая часть теоретиков этой области прикладного лингвистического знания сформулировала достаточно четкие представления о ходе процесса перевода, об основаниях этого самого процесса. В значительно меньшей мере современная теория перевода заслуживает определения теории перевода как результата переводческой деятельности.

Н. К. Грабовский подчеркивает также неизменную дискуссионность вопроса о выделении единицы перевода, который остается нерешенным в теории перевода до настоящего времени: «Необходимость выделения наукой о переводе собственной «единицы» признается не всеми переводоведами. Сложность выделения этой категории и противоречивость подходов приводила некоторых исследователей к мысли о том, что никакой единицы перевода не существует и существовать не может, что всякие ее поиски бесполезны» (Грабовский 2004, 249). Подобный предметный нигилизм можно объяснить тем фактом, что теоретики этого направления, сами того не осознавая, уже давно работают с априорно выделенной единицей перевода – как правило, в ее роли выступает та или иная единица языка. Удобство данной позиции не подлежит сомнению: во-первых, нет необходимости что-либо обосновывать, во-вторых, теория перевода оказывается придатком теории общелингвистической, весьма удачно в нее вписанным, в-третьих, именно благодаря этому даже высокообразованный читатель-лингвист ничего не замечает – не замечает в первую очередь колоссального теоретического подлога: теория есть, а части предмета теории – нет.

Отмечает Н. К. Грабовский и определенную – весьма очевидную – непоследовательность в развитии самой теории перевода, а именно – разработанность понятий, в основе которых лежит понятие единицы перевода, при неразработанности понятия самой единицы перевода: «Действительно, с каких бы позиций мы ни подходили к категории эквивалентности, первое, что нам придется определить или же о чем придется договориться, - это то, какие единицы оригинального текста могут и должны найти свои эквиваленты в тексте перевода». (Грабовский 2004, 248).

Таким образом, современное переводоведение столкнулось со следующей методологической проблемой: при невероятном изобилии теорий, описывающих как происходит процесс перевода, до сегодняшнего дня остается не совсем ясным, что же в него вовлечено или на что этот процесс направлен. С самого момента начала развития теории перевода как теоретической дисциплины объект ее исследования и изучения

представлялся настолько очевидным, что не возникало необходимости в теоретическом осознании того, с единицами какого рода работает переводчик, а значит, и имеет дело теоретик перевода. Эта самоочевидность, а также то, что теория перевода понималась как одна из дисциплин лингвистического круга, а значит, по определению должна была интересоваться только и исключительно словом в его многообразных проявлениях, и сыграла с теорией перевода злую методологическую шутку. Теория эта оказалась беспредметной – в том смысле, что предмет ее, основной объект, оказался невыделенным, а значит и лишенным теоретического понимания и осмысления.

Общетеоретическая дискуссия о природе единицы перевода велась с конца 50-х гг. Остановимся на наиболее интересных точках зрения, высказанных до настоящего времени, – а именно на существующих в современном перевоведении концепциях единицы перевода. Условно их можно разделить на три основные группы: «траншевые», системно-лингвистические («единичные») и прочие.

Все концепции, принадлежащие к группе «траншевых» концепций, строятся исходя из следующей посылки: единица перевода должна быть материально выраженной в переводимом тексте и характеризоваться таким основным качеством как протяженность – либо во времени, либо в пространстве. «Траншевыми» данные концепции могут быть названы потому, что предполагают поиск и выделение некоей «порции» текста, своего рода «транша» – определенным образом ограниченного фрагмента переводимого материала, который затем, с учетом ряда характеристик, может быть признан единицей перевода. Характерной особенностью «траншевых» концепций является их генетическая связь с практикой синхронного перевода.

Наиболее интересны и последовательны среди «траншевых» концепций следующие: концепции А. Ф. Ширяева, Ю. С. Степанова и Н. К. Гарбовского. В работе А. Ф. Ширяева «Синхронный перевод» (1979) предлагается рассматривать единицу перевода как некую операционную сущность. В качестве единиц перевода он предлагает рассматривать отрезки переводимого текста – переводческие «шаги», «порции». Хроноконцепция Ю.С. Степанова (Степанов 1965) также основана на наблюдениях за работой синхронных переводчиков. Ю. С. Степанов предлагает положить в основу классификации единиц перевода величину отставания переводчика от отправителя исходного текста, т. е. величину расхождения между произнесением говорящего и пониманием слушателя. Исследователь делит единицы перевода на три группы. К первой группе относятся единицы перевода, имеющие минимальное временное расхождение, т. е. переводимые сразу же после того, как были произнесены. Единицы данного типа совпадают со словом. Ко второй группе относятся единицы перевода, имеющие некоторое отставание. Отставание связано с лексической, морфологической и синтаксической многозначностью переводимой формы, и его длительность обусловлена степенью этой многозначности. К третьей

группе относятся единицы перевода, имеющие максимальное временное расхождение. Они могут быть переведены только после окончания предложения или даже группы предложений. Границей единицы перевода является момент начала перевода очередной порции услышанного текста. То есть в качестве основного критерия для выделения единицы перевода Ю. С. Степанов предлагает рассматривать ее понятность – способность быть воспринятой и понятой в течение ограниченного временного отрезка. Понятая единица перевода становится, по Ю. С. Степанову, единицей ориентирования, которая затем, обретая материальную форму в переводящем языке после перебора переводчиком ряда вариантов, становится собственно единицей перевода.

В качестве альтернативы Н. К. Гарбовский (Гарбовский 2004, 263) предлагает иной алгоритм выделения единицы перевода: Единица перевода предстает как сложное системное образование, как элемент общей структуры целостного акта перевода. Она является подсистемой, иерархически подчиненной системе в целом. Эта подсистема отчетливо разлагается на три составные части: накопление информации, необходимой для принятия переводческого решения до определенного «пика». Эта фаза процесса перевода называется единицей ориентирования.

Здесь следует остановиться и в качестве контраргумента привести известный пример Райт-Ковалевой (Латышев 1981, 25): исследовательница показывает, как лишь дочитанный до конца текст художественного произведения позволяет переводчику понять его в такой мере, чтобы в корне поменять подбор эпитетов и других выразительных средств. Кроме того, общеизвестно, что процесс перевода осуществляется нелинейно: письменный переводчик нередко вынужден возвращаться и перерабатывать свой текст с учетом новой лингвистической и экстралингвистической информации, получаемой им при чтении очередных частей текста. А. Швейцер (Швейцер 1973) делает также важное замечание о примате эквивалентности текста над эквивалентностью его различных частей.

Все сказанное в значительной степени ограничивает сферу функционирования модели единицы ориентирования до сферы практики синхронного перевода.

Рассмотрим модель Н.К. Гарбовского далее: «За ней (фазой ориентирования – Б.) следует фаза многократного перебора вариантов в поисках форм, способных оптимально выразить осознанные смыслы на языке перевода. На этой фазе переводчик оперирует единицами эквивалентности. Принятие окончательного решения, т. е. остановка на одном из возможных вариантов и его выведение в речь, знаменует завершение микропроцесса перевода, т. е. переход от одной единицы перевода к другой. Единица перевода – это сложная подсистема в целостной системе перевода, строящаяся в своем внешнем проявлении на основе единицы ориентирования, но включающая в себя одну или несколько единиц эквивалентности, соотносящих понятия исходного текста с соответствующими формами текста перевода».

В качестве контраргументов для высказанной точки зрения можно предложить следующие соображения: во-первых, предложенная методика отличается известным психологизмом, что влечет за собой вполне понятные трудности практического толка. Формирование единицы перевода происходит в мозгу переводчика и в связи с этим отличается определенной индивидуальностью. Достаточно трудным оказывается и практическое наблюдение данного процесса.

Как известно, скорость понимания услышанного и прочитанного у разных людей различна, это же естественным образом касается и переводчиков. Что важнее, различно и качество понимания воспринимаемого текста, а главное – критическая способность субъекта оценить это качество. Таким образом, в основе методики выделения единицы перевода оказывается ряд субъективных процедур, которые – на наш взгляд – препятствуют формированию объективной, универсальной и всеобъемлющей теоретической категории единицы перевода.

В основу предлагаемого группой синхронистов решения положен принцип временной протяженности единицы перевода, что не имеет никаких принципиальных отличий от предлагавшегося ранее направления теоретического поиска – в сфере протяженности пространственной, физической (отрезок текста).

Наконец, не совсем ясной представляется и практическая ценность предлагаемого подхода: с точки зрения операционного анализа он не совсем удобен, поскольку предполагает проведение психолингвистического эксперимента всякий раз, когда понадобится выделить единицу перевода в данном конкретном тексте.

Вообще же «траншевая» система анализа переводного текста (независимо от выбора пространственного или временного критерия в качестве основного для выделения «транша») неудобна еще и тем, что может применяться лишь апостериори, то есть только тогда, когда мы имеем дело с уже переведенным текстом. Данное обстоятельство существенно снижает прогностические возможности модели, а значит и ее практическую ценность.

Теоретическая слабость «траншевого» подхода заключается и в том, что он предлагает своего рода операционную процедуру, некую операционную трафаретную сетку – сеть, величина ячеек которой произвольным образом меняется при изменении любой из составляющих переводческой процедуры: при смене типа текста (и текста вообще), переводчика, условий коммуникации и т. д. «Транш» оказывается неким пространственно-временным фантомом, неуловимым, едва осязаемым и абсолютно бесполезным, а потому никому не нужным.

Авторы системно-языковых или «единичных» концепций исходят из того, что единица перевода должна тем или иным образом соотноситься единицами языка как системы. В литературе вопроса повышенное внимание к проблемам перевода минимальной значимой единицы языка – слова – сочетается с крайним инструментализмом подхода (стремлением дать обобщенный перечень конкретных переводческих приемов) и зачастую

отсутствием теоретического осмысления как самого процесса перевода, так и понятия единиц перевода. В свою очередь, это приводит к тому, что теория перевода сводится к перечню способов трансформации отдельных элементов исходного высказывания с целью наиболее успешной их передачи, с последующей перегруппировкой найденных способов в зависимости от используемого логического основания.

В работе С. Бархударова «Язык и перевод» (Бархударов 1975, 174 и след.) предлагается вести речь о единице переводческой эквивалентности. С. Бархударов пишет: «Под единицей перевода мы имеем в виду такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода. Иначе говоря, единица перевода – это наименьшая (минимальная) языковая единица в тексте на ИЯ, которая имеет соответствие в тексте на ПЯ». Р.К. Миньяр-Белоручев (Миньяр-Белоручев 1980) в качестве контраргумента для данной точки зрения предлагает контроопределение «единицы несоответствия», показывая, что в качественно переведенном тексте выделить единицу перевода – по С. Бархударову – вряд ли возможно, в то время как в тексте, переведенном плохо, данные единицы выделяются легко.

С. Бархударов полностью отождествляет единицы перевода с единицами языка на различных уровнях, при этом отходя от строгого разграничения языка и речи. Данное обстоятельство вполне естественно и объяснимо, поскольку сам ученый признает, что при переводе переводчик имеет дело не с системой языка, а с речью. В связи с этим система единиц языка – речи у С. Бархударова приобретает следующий вид:

- фонемы; на уровне фонем переводу соответствует транскрипция;
- графемы; разновидность перевода на уровне графем – транслитерация;
- морфемы; на данном уровне применяется такой вид перевода, как калькирование;
- слова, к которым подбираются лексические эквиваленты;
- словосочетания; перевод осуществляется на уровне словосочетания;
- предложение; перевод осуществляется на уровне предложения;
- текст; перевод производится на уровне текста.

Комментируя данную концепцию выделения единицы перевода, Н.К. Гарбовский (Гарбовский 2004, 256) делает ряд весьма существенных замечаний:

«Единицы, вычленяемые таким образом, могут быть обнаружены только после того, как конкретный акт перевода завершен, т. е. текст перевода окончательно создан. Такие единицы достаточно легко выявить путем сопоставительного анализа письменных текстов оригинала и перевода, но вряд ли они доступны для анализа процесса устного перевода. Кроме того, эти единицы эквивалентности имеют ретроспективный характер и не раскрывают механизм деятельности переводчика».

При выборе в качестве единицы перевода единицы эквивалентности или минимальной единицы текста, которой в переводящем языке подыскивается

соответствие, мы рано или поздно приходим к формулировке Л. К. Латышева о том, что перевод, как правило, осуществляется на уровне слова или словосочетания (Латышев 1981, 171).

Сходную с концепцией Л.С. Бархударова уровневую модель единицы перевода предлагает также Дж. Кэтфорд (Catford 1965).

Среди ряда концепций, могущих быть отнесенными к группе «прочих», упомянем лишь несколько наиболее ярких. Канадские исследователи Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне предлагают выделять в качестве единицы перевода единицы смысла, наименьшей из которых является понятие. Как известно, никакого линейного соотношения между единицами смысла, категориями мышления с одной стороны и единицами языка - с другой, не существует, что ведет к такому неприятному последствию, как практическая невозможность проведения каких-либо обобщений и формулирования общих концепций. Единица перевода, таким образом, становится реальной, строго индивидуальной данностью, и потребность в теории перевода, оперирующей общетеоретическими положениями, исчезает вовсе.

Современная немецкая школа теоретического переводоведения (Каде 1978) предлагает рассматривать в качестве единицы перевода текст: за единицу перевода предлагается принимать минимальный отрезок текста ИЯ, которому благодаря потенциальным эквивалентным отношениям может быть противопоставлен отрезок текста ПЯ, отвечающий требованию сохранения инвариантности содержания. В этом случае единицами перевода оказываются различные по своей сути единицы - слова, фразеологизмы, предложение и текст как целое.

Р.К. Миньяр-Белоручев в работе «Теория и методы перевода» (Миньяр-Белоручев 1996, 77) полагал, то переводчик воспринимает при переводе некое смысловое целое, «речевое произведение в целом», и уже затем, в процессе перевода, «дробит это смысловое целое на части в зависимости от тех действий, к которым он вынужден прибегать для выполнения своей задачи».

Анна Беднарчик в работе «Выбор переводчика. Модификации литературного текста в переводе и ассоциативный контекст» (Bednarczyk 1999, 42) предлагает выделять ассоциативную единицу перевода – ассоциему, которая является «наименьшей единицей текста, способной вызывать ассоциации, и должна получить в тексте эквивалент, вызывающий ассоциации».

Интересный с методологической точки зрения подход представлен в книге «Теория и практика художественного перевода» (Солодуб 2005). Авторский коллектив: Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт и А.Ю. Кузнецов - предлагает использовать для выделения единиц перевода достаточно простую логическую дихотомию: «минимальной единицей перевода, несомненно, является слово» (Солодуб 2005, 44), а максимальной - весь художественный текст. Предложенное простое разделение несколько усложняется далее, когда в тексте исследования начинает появляться формулировка «Эквиваленты слова» (Солодуб 2005, 112), по мысли авторов

обозначающая «предложно-субстантивные и, реже, предложно-адъективные конструкции, обладающие единым целостным значением, но характеризующиеся не цельнооформленностью, а раздельнооформленностью». В выделенную таким, достаточно спонтанным, образом группу попадают предложно-падежные конструкции, фразеологизмы, паремии (поговорки и поговорки) и индивидуально-авторские метафоры. Данный подход не получает подробного теоретического обоснования, но оказывается в дальнейшем достаточно удобным при изложении и группировке материала.

Таким образом, в существующих работах по теории перевода в качестве основной проблемы при выделении единицы перевода выступает так или иначе понимаемая проблема размерности этой единицы – а именно вопрос о ее пространственной или временной протяженности. Характер единицы перевода начинает интересовать исследователей только после того, как единица перевода начинает рассматриваться в качестве единицы переводческой эквивалентности. Еще одна проблема, с которой сталкивается большинство исследователей, - это проблема возможности анализа текста лишь после того, как перевод выполнен, а следовательно, – проблема достаточно низкого прогностического потенциала существующих моделей процесса перевода. Кроме того, при рассмотрении большинства существующих моделей переводческого процесса, а также определений типов эквивалентности и единицы перевода становится очевидным их отнюдь не универсальный характер. Значительная часть явлений, представляющих серьезную трудность для переводчика, оказывается вне рамок предлагаемых моделей либо составляет своего рода маргинальный спектр переводоведческой проблематики.

Итак, не имеющими однозначного решения в переводоведческой науке до сих пор остаются вопросы о локализации, общих характеристиках и методологическом и прогностическом потенциале единицы перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – СПб., 2004.
Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М., 1975.
Гарбовский Н. К. Теория перевода. – М., 2004.
Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации// Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 69 – 90.
Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. – М., 1980.
Комиссаров В. Н. Слово о переводе. – М., 1973.
Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). – М., 1981.
Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М., 2003.
Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. – М., 1996.
Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. – М., 1980.